

Екатерина Французова

Рец. на: Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII — начало XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2016. 872 с., ил., вкл.

Ekaterina Frantsuzova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: Prikhodo-raskhodnye denezhnye knigi Vologodskogo arkhieiereiskogo doma sviatoy Sofii i okladnye knigi tserkvey Vologodskoy eparkhii. XVII — nachalo XVIII v. Moscow; Saint Petersburg, 2016

Хозяйственная документация церковно-административных учреждений Русской Православной Церкви до сих пор мало востребована исследователями. Возможно, причина этому в большом объёме хозяйственных книг архиерейских кафедр, в трудоёмкости их обработки и в немногочисленности изданных источников. На настоящий момент помимо единичных изданий 1860-х гг. в распоряжении исследователей имеются публикации отдельных хозяйственных документов Тобольской и Рязанской епархий и приходная книга Новгородского архиерейского дома 1576/77 г. Между тем недавнее исследование М.С. Черкасовой ряда хозяйственных книг вологодских владык XVII в. продемонстрировало их несомненную значимость при изучении истории землевладения и налогообложения, демографических процессов, административно-территориального деления, особенностей управления епархией и многих других вопросов¹.

Рецензируемая публикация, подготовленная коллективом исследователей (О.Н. Адаменко, Н.В. Башниным, А.Е. Жуковым), направлена на введение в научный оборот солидного корпуса хозяйственных книг из архива Вологодской архиерейской кафедры, а именно книг окладных и приходо-расходных. Богатый архив Вологодского архиерейского дома рассредоточен по фондам архивохранилищ, библиотек и музеев Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды и Новосибирска. Составителю публикации Н.В. Башнину пришлось провести большую поисковую работу по установлению мест хранения документов вологодских владык. Ему удалось выявить 11 окладных книг и 86 приходо-расходных книг Вологодского архиерейского дома за XVII — начало XVIII в., тогда как широко использовавшему эти документы в XIX в. вологодскому краеведу Н.И. Суворову было известно 19

окладных книг этого времени и лишь около 70 приходо-расходных.

Составитель, несомненно, оправданно избрал для издания наиболее раннюю из сохранившихся приходо-расходную книгу 1612/13 г. (в двух частях), составленную непосредственно после разорения Вологды 22–25 сентября 1612 г. польско-литовскими отрядами, а также окладную книгу приходов 1702 г. как подводящую итог церковному строительству в предшествовавшие столетия. Остальные документы, предложенные вниманию исследователей, отобраны по принципу хронологической близости к государственным поземельным описаниям Вологодского уезда. Такой подход открывает возможность сопоставления сведений вотчинных книг с информацией книг писцовых и переписных. Башнина можно поздравить с удачной концепцией издания, представившего епархию в пяти хронологических срезах.

Публикации предпослано историческое и археографическое введения. Вводные статьи, однако, несколько разочаровывают. Если особенности приходо-расходных книг церковных институтов разного уровня, прежде всего монастырских, уже исследованы, и методы их издания разработаны, то епархиальные окладные книги до сих пор не становились объектом научной публикации. От исследователя, включающего в арсенал историка новый пласт источников, мы вправе ожидать подробной характеристики приёмов их составления, всех особенностей их формуляров. Тем не менее во вводной статье лишь продемонстрировано постепенное расширение сведений, включённых в книги, по которым взималась церковная дань и другие платежи в пользу кафедры, в сравнении со сведениями

государственного кадастра, и отмечено, что они создавались в несколько приёмов.

Следовало бы пояснить, что книги 1628/29 и 1702 гг. первоначально включали перечень храмов епархии с указанием размера дани и прочих платежей в пользу кафедры «против прежних отписей». Впоследствии в полученную своеобразную ведомость вносились пометы о произведённом платеже. Книги 1647/48 и 1676/77 гг. имели более сложную структуру. Первоначальная «ведомость» дополнялась сделанными позднее записями («сказками») со слов священно- и церковнослужителей о количестве деревень и дворов в приходе, о размерах церковной запашки и прежних платежей. «Сказки» в последнем из названных документов включали также сведения о сенных покосах и прочих угодьях, а в сами ведомости вносились рукоприкладства лиц, подавших сказки, или тех, кто был ими уполномочен. Разница в формулярах источников, естественно, обуславливает разницу в объёмах содержащейся в них информации и, возможно, степени её достоверности.

Из текстов окладных книг видно, что платежи в большинстве случаев производились в течение января—марта текущего года, хотя в книге 1647/48 г. некоторые «сказки» датируются более поздним временем, вплоть до 1650 г. (с. 528, 542, 543 и др.). Составитель, озаглавив окладные книги, однозначно датировал документы целым годом, в течение которого они были актуальны. Но возможен и иной подход: сложившаяся историографическая традиция предполагает датировку хозяйственных книг на основании содержащихся в них начальной и конечной записей. Представляется, что профессиональному сообществу ещё предстоит поразмышлять над этими источниковедческими нюансами.

Во вводных статьях обойдены вниманием и другие моменты источниковедческого характера, которые при издании источников обязательны. Например, я не нашла пояснений, на каком основании окладная книга 1647/48 г. приписана казначею старцу Илие и дьяку Даниле Столбицкому (их имена в заголовке взяты в квадратные скобки). Совсем неясно, почему составитель датировал приходо-расходную книгу 1648/49 г. целым годом, тогда как приходные записи её доведены лишь до конца февраля с подведением итогов на 1 марта (с. 215, 232, 264), а расходная часть обрывается на январских записях. В описании этой рукописи факт её неполноты никак не оговорён, хотя приводится масса второстепенных сведений, например, перечисляются все листы, проклеенные папиросной бумагой. Дефектность данной рукописи порождает и другой вопрос: почему именно она отобрана для публикации, а не одна из

выявленных составителем книг за предшествовавшие годы и хронологически более близкая к подворной переписи 1646 г.?

Вводимые в научный оборот окладные книги Вологодского архиерейского дома по своей сути источники сухие, формализованные, требующие скрупулёзной систематизации и статистической обработки. Некоторые результаты систематизации сведений окладных книг удачно продемонстрированы в рецензируемом издании, в приложениях к которому помещены таблицы, характеризующие приходскую сеть Вологодского уезда и храмовые посвящения. На цветных вклейках (ил. 1—9) читатель найдёт подробную карту храмов Вологды и Вологодского уезда, составленную по окладной книге 1628/29 г. вологодским исследователем А.Л. Грязновым.

Основной же массив информации окладных книг ещё ждёт своего исследователя. Но даже беглое ознакомление с этими источниками позволяет отметить яркие, совсем не «статистические» детали. К примеру, из «сказки» пономаря вновь поставленной церкви Параскевы Пятницы в Липинской волости Чарондской округи узнаём, что храм был воздвигнут по обету «мирских людей» на тяглой земле. Церковь пока не имеет «приходских дворов», церковной земли и угодий, в ней нет священника, а служит там в день памяти вмц. Параскевы и «поет молебны» священник из соседней церкви (с. 633). По-видимому, речь идёт о начальном этапе формирования нового прихода. Чрезвычайный интерес представляют описания целого ряда мелких монастырей и «монастырьков», самостоятельных описей которых за XVII в. не сохранилось, а, скорее всего, и не существовало: Рябининной пустыни (с. 568—569), Богородице-Рождественского монастыря на Вондоше (с. 597), Спасской пустыни в Шуе (с. 646—647) и приписной к ней Борисоглебской (с. 647) и др. В этих поистине уникальных описаниях сообщается состав насельников и многие хозяйственные детали, в том числе количество хлеба в житницах, количество рабочих лошадей и прочего скота.

Книги приходо-расходные, состоящие из подневных записей, обладают гораздо более богатой палитрой красок для создания живой картины повседневной жизни и быта в одном из самых крупных городов России XVII в. и его уезде. Так, если в писцовой книге Вологды 1626—1628 гг. при описании деревянной тогда ещё колокольни вологодского Софийского собора просто упомянуты часы², то приходо-расходная книга 1627/28 г. позволяет уяснить обстоятельства появления этого весьма редкого в те времена механизма. В октябре 1627 г. архиерейской казной за 21 руб. 5 алт. было приобретено 22 пуда прутowego железа, «а делати

в том железе часы» (с. 170). В декабре появляется запись о выдаче кузнецу устюжанину Второму Кузовлеву 3 руб. «в его наем от часов от дела» (с. 177). В апреле следующего года плотники Афонька и Федка Кишкинские подготовили помещения для часов на колокольне («делали на колокольне чюлан часом стоять»), за которое получили 40 алт. (с. 189). В мае был приобретён пуд конопля «к часовым бечевам в прибавку», а котельником Шумилкой изготовлены 8 медных «полиц», т.е. пластин, для своеобразного флюгера — «к часам на ветреницы» (с. 191). Только 30 августа 1628 г. произошёл окончательный расчёт с устюжским часовым мастером Вторым Кузовлевым и, как выясняется, с членами его артели — «товарищами», которые получили «от часов от дела достального их найму» 27 руб. (с. 203). Одновременно с расчётом за часы для колокольни из средств казны архиепископа Вологодского — красноречивая деталь! — артели Второго Кузовлева выдали 8 руб. в оплату работы по изготовлению (или ремонту?) часов для Василия Стрешнева. Кроме того, из казны вологодского владыки оплатили ремонт его экипажа («колымаги») и других предметов быта — стола, сундука, ключа (с. 204). В.И. Стрешнев, крупный землевладелец Вологодского уезда, приближённый царя Михаила Фёдоровича и патриарха Филарета, незадолго до этого (5 февраля 1626 г.) породнился с московским государем, доходясь родственником царице Евдокии Лукьяновне. Сумма, потраченная на часы для удачливого царедворца, далеко выходила за пределы обычных для того времени «подношений».

Архиерейская казна, как и монастырские корпорации, регулярно выдавала денежные ссуды служилым людям домового вотчины и её крестьянам, местным священникам. Но уже в первой половине XVII в. она начала играть роль своего рода финансового учреждения и для внешнего светского общества. В июне 1628 г. «по приказу государя архиепископа» было дано 100 руб. «в кабалу» кн. Алексею Никитичу Трубецкому и дьяку Емельяну Евсееву (с. 195), отправленным на воеводскую службу в Тобольск³. Существенно расширились подобные финансовые операции во второй половине столетия. К 1666 г., к примеру, должниками владычной кафедры стали московский купец гость Иван Худяков и торговый иноземец Иван Еремеев, подписавшие кабалы на 120 и 100 руб. соответственно⁴. В конце 1677 г. к услугам архиерейской казны прибег крупнейший вологодский купец гость Гаврила Фетиев, заняв в Вологде 300 руб. с обязательством погасить задолженность архиепископу Симону в Москве (с. 409). Между тем вологодские владыки во время своих поездок также охотно прибегали

к кредитованию у представителей купечества. Преосвященный Симон, находясь в столице в 1678 г., занял 600 руб. у Якова, сына вологодского купца Федора Сычугова (с. 426) и 200 руб. у вологодского посадского человека Осипа Мошонкина (с. 436).

Включённый в рецензируемую книгу материал чрезвычайно многогранен. Историки в течение многих десятилетий будут черпать из него различные сведения социально-экономического характера, такие, к примеру, как размеры оплаты наёмного труда или цены на различные товары, данные о посевах и сельскохозяйственных угодьях, об аренде земли, особенностях расселения. Материал этот позволяет подойти к решению вопросов о соотношении крестьянской общины и приходского сообщества, о роли епархии во внутреннем устройстве общества Раннего Нового времени. Историки Церкви извлекут свежий материал об организации церковного управления на разных уровнях, о бюджете архиерейского дома и структуре его доходов и расходов, об истории взаимоотношений церковных институций с государством, личным и коллективным составе служилых людей архиерейского дома, их должностных обязанностях, денежном и земельном содержании, о роли кафедры в распространении печатных книг. Реставраторы и искусствоведы обнаружат в издании данные о строительных и ремонтных работах, об архитектурных типах храмов, о создателях произведений станковой и настенной живописи. Опубликованные источники, содержащие богатые сведения по локальной истории и генеалогии, станут незаменимы при подготовке краеведческих работ.

Чрезвычайно большой объём издания, к сожалению, сказался на появлении значительного количества опечаток. Очень портят впечатление такие «находки», как, например, «сын борский» (с. 90), «полсомины» (с. 91), «бороно волок» (с. 96, 192, 196). Вряд ли читатель поймёт, как кузнец «ковал... золото (а не долото. — *Е. Ф.*) в казенном железе» (с. 168), почему «бойки» измерялись аршинами («куплено на оплечье вы бойки аршин» — с. 176) или почему крестьяне «подрядились на сень (а не насечь. — *Е. Ф.*) триста бревен» (с. 415). В издании отсутствует единообразие при раскрытии слов под титлом: «Предтеча» и «Предотеча», «Рождество» и «Рожество». Крайне небрежно расставлены знаки препинания, что зачастую мешает пониманию текста. Есть и прямые ошибки. Одна из них связана с прочтением топонима «Княгинино». В некоторых местах рукописей он пишется «Княинино», что от археографа не требует никакого исправления, как это сделано в издании (с. 46), так как формы «княиня» и «княинин» достаточно распространены в русском языке

XVII в.⁵ И уж совсем недопустимо прочтение топонима как «Княйнино» (с. 230, 255, примеч.). Учитывая недочёты в археографической подготовке рукописей, стоит задуматься над тем, какой объём издания посилен составителю, на котором поневоле лежит ответственность главного редактора, и какой должен быть отведён на такое издание срок.

Примечания

¹ См., например: *Черкасова М.С.* Архиерейские окладные книги как источник по землевлadenию и народонаселению в XVII в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X—XXI вв. Материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012. С. 133–147.

² Источники истории города Вологды и Вологодской губернии. Список с писцовой книги города Вологды, сделанный в 1629 году. Вологда, 1904. С. 14.

³ *Барсуков А.П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 237; *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 169; *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник. М., 2011. С. 181.

⁴ *Башнин Н.В.* Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон и его приходо-расходная книга «московской езды» 1666–1667 гг. // Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. Вып. 1(17): Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI—XVIII веков. СПб., 2015. С. 243.

⁵ *Словарь русского языка XI—XVII в.* Т. 7. М., 1980. С. 202.

Ирина Шамина

Рец. на: Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века: Исследование и тексты. Вологда: Древности Севера, 2015. 352 с.

Irina Shamina

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: Perepisnye knigi Velikogo Ustyuga nachala XVIII veka: Issledovanie i teksty. Vologda, 2015

Одним из важных направлений археографической деятельности последних десятилетий является введение в научный оборот и публикация материалов государственного кадастра XVI—XVIII вв. Писцовые и переписные книги — многоплановый источник. Они содержат разнообразные сведения по исторической демографии, налогообложению, топонимии, антропонимии и другим вопросам. Издание переписных книг Великого Устюга подготовлено вологодскими историками — И.В. Пугачем и М.С. Черкасовой при участии О.Н. Адаменко, Н.В. Башнина и других исследователей. Оно является продолжением серии публикаций этого коллектива авторов. В 2008 г. И.В. Пугач и М.С. Черкасова издали описание Вологды XVII — начала XVIII в.¹ В 2012 г. вышла публикация таможенных книг Великого Устюга (записной пошлинной книги, содержащей записи с 2 января 1748 г. по 26 июля 1749 г., и досмотровой явочной книги за 3 января 1751 г. — 20 января 1752 г.), хранящихся в Великоустюгском центральном архиве².

Рецензируемое издание включает в себя два описания города — переписную книгу 1710 г.

и ландратскую книгу 1717 г. Для ведения войны со Швецией правительству Петра I требовались значительные финансовые средства, и основным способом пополнения государственной казны были налоги с населения. В условиях хронической нехватки денег перед государством встала задача увеличения числа налогоплательщиков. С целью их учёта в 1710 и 1717 гг. в Российском государстве составлялись переписные книги населения. В числе прочих городов был описан и Великий Устюг. Книги 1710 и 1717 гг. являются наиболее ранними подлинными источниками, хранящимися в Великоустюгском центральном архиве.

Издание открывает вступительное слово доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН Е.Н. Швейковской. В историко-археографическом введении приведены сведения о Великом Устюге до XVIII в. Уже в 1398, а затем в 1438 г. в Летописце Льва Вологодина отмечен «град деревянный на посаде в Черном Прилуке» (с. 6). Из летописных источников мы узнаем о пожарах, наводнениях, заморозках, голоде и эпидемиях,